

Н.М.КАРАМЗИН
ИСТОРИЯ
ГОСУДАРСТВА
РОССИЙСКОГО

ТОМА 1~3

Ростов-на-Дону
Ростовское книжное издательство
1989

независимость, и только один из них, искушенный бедствиями, удивляет ныне мир величием. Другие, сохранив бытие свое в Германии, в древней Иллирии, в Мизии, повинуются властителям чужеземным; а некоторые забыли и самый язык отечественный.

Теперь обратимся к истории государства Российского, основанной на преданиях нашего собственного, древнейшего летописца.

Г л а в а II

О СЛАВЯНАХ И ДРУГИХ НАРОДАХ, СОСТАВИВШИХ ГОСУДАРСТВО РОССИЙСКОЕ

Происхождение славян российских. Поляне. Радимичи и вятичи. Древляне. Дулебы и бужане. Лутичи и тивирцы. Хорваты, северяне, дреговичи, кривичи, полочане, славяне новгородские. Киев, Изборск, Полоцк, Смоленск, Любеч, Чернигов. Финские или чудские народы в России. Латышские народы. Междоусобия славян российских. Господство и гибель обров. Козары. Варяги. Русь.

Нестор пишет, что славяне издревле обитали в странах Дунайских и, вытесненные из Мизии болгарами, а из Паннонии волохами (доныне живущими в Венгрии), перешли в Россию, в Польшу и другие земли. Сие известие о первобытном жилище наших предков взято, кажется, из византийских летописцев, которые в VI веке узнали их на берегах Дуная; однако ж Нестор в другом месте говорит, что св. апостол Андрей — проповедуя в Скифии имя Спасителя, поставив крест на горах киевских, еще не населенных, и предсказав будущую славу нашей древней столицы — доходил до Ильменя и нашел там славян: следственно, они, по собственному Несторову сказанию, жили в России уже в первом столетии и гораздо прежде, нежели болгары утвердились в Мизии. Но вероятно, что славяне, угнетенные ими, отчасти действительно возвратились из Мизии к своим северным единоземцам; вероятно и то, что волохи, потомки древних гетов и римских всельников Траянова времени в Дакии, уступив сию землю готам, гуннам и другим народам, искали убежища в горах и, видя наконец слабость аваров, овладели Трансильванией и частию Венгрии, где славяне долженствовали им покориться.

Может быть, еще за несколько веков до рождества Христова под именем венедов известные на восточных берегах моря Балтийского, славяне в то же время обитали и внутри России; может быть андрофаги, меланхлены, невры Геродотовы принадлежали к их племенам многочисленным. Самые древние жители Дакии, геты, покоренные Траяном, могли быть нашими предками: сие мнение тем вероятнее, что в русских сказках XII столетия упоминается о счастливых войнах Траяновых в Дакии, и что славяне российские начинали, кажется, свое летосчисление от времен сего мужественного императора. Заметим еще какое-то древнее предание народов славянских, что праотцы их имели дело с Александром Великим, победителем гетов. Но историк не должен предлагать вероятностей за истину, доказываемую только ясными свидетельствами современников. Итак, оставляя без утвердительного решения вопрос: «Откуда и когда славяне пришли в Россию?», опишем, как они жили в ней задолго до того времени, в которое образовалось наше государство.

Многие славяне, единоплеменные с ляхами, обитавшими на берегах Вислы, поселились на Днепре в Киевской губернии и назывались полянами от чистых полей своих. Имя сие исчезло в древней России, но сделалось общим именем ляхов, основателей государства Польского. От сего же племени славян были два брата, Радим и Вятко, главами радиличей и вятичей: первый избрал себе жилище на берегах Сожа, в Могилевской губернии, а второй на Оке, в Калужской, Тульской или Орловской. Древляне, названные так от лесной земли своей, обитали в Волынской губернии; дулебы и бужане по реке Бугу, впадающему в Вислу; лутичи и тивирцы по Днестру до самого моря и Дуная, уже имея города в земле своей; белые хорваты в окрестностях гор Карпатских; северяне, соседи полян, на берегах Десны, Семи и Сулы, в Черниговской и Полтавской губерниях; в Минской и Витебской, между Припятью и Двиною Западною, дреговичи; в Витебской, Псковской, Тверской и Смоленской, в верховьях Двины, Днепра и Волги, кривичи: а на Двине, где впадает в нее река Полота, единоплеменные с ними полочане; на берегах же озера Ильменя собственно так называемые славяне, которые после рождества Христова основали Новгород.

К тому же времени летописец относит и начало Киева, рассказывая следующие обстоятельства: «Братья Кий, Щек и Хорив, с сестрой Лыбедью, жили между полянами на

трех горах, из коих две слывут по имени двух меньших братьев, Щековицю и Хоривицю; а старший жил там, где ныне (в Несторово время) Эборичев взвоз. Они были мужи знающие и разумные; ловили зверей в тогдашних густых лесах днепровских, построили город и назвали онай именем старшего брата, т. е. Киевом. Некоторые считают Кия перевозчиком, ибо в старину был на сем месте перевоз и назывался Киевым; но Кий начальствовал в роде своем: ходил, как сказывают, в Константинополь и принял великую честь от царя греческого; на возвратном пути, увидев берега Дуная, полюбил их, срубил городок и хотел обитать в нем; но жители дунайские не дали ему там утвердиться, и доныне именуют сие место *городищем Киевцом*. Он скончался в Киеве, вместе с двумя братьями и сестрою». Нестор в повествовании своем основывается единственно на изустных сказаниях: отдаленный многими веками от случаев, здесь описанных, мог ли он ручаться за истину предания, всегда обманчивого, всегда *неверного в подробностях*? Может быть, что Кий и братья его никогда в самом деле не существовали и что вымысел народный обратил названия мест, неизвестно от чего происшедшие, в названия людей. Имя Киева, горы Щековицы — ныне Скавицы — Хоривицы, уже забытой, и речки Лыбеди, впадающей в Днепр недалеко от новой киевской крепости, могли подать мысль к сочинению басни о трех братьях и сестре их: чему находим многие примеры в греческих и северных повествователях, которые, желая питать народное любопытство, во времена невежества и легковерия, из географических названий составляли целые истории и биографии. Но два обстоятельства в сем Несторовом известии достойны особенного замечания: первое, что славяне киевские издревле имели сообщение с Царемградом, и второе, что они построили городок на берегах Дуная еще задолго до походов россиян в Грецию. Дулебы, поляне днепровские, лутичи и тивирцы могли участвовать в описанных нами войнах славян дунайских, столь ужасных для империи, и заимствовать там различные благородительные изобретения для жизни гражданской.

Летописец не объявляет времени, когда построены другие славянские, а также весьма древние города в России: Изборск, Полоцк, Смоленск, Любеч, Чернигов; знаем только, что первые три основаны кривичами и были уже в IX веке, а последние в самом начале X; но они могли существовать и гораздо прежде. Чернигов и Любеч принадлежали к области северян.

Кроме народов славянских, по сказанию Нестора, жили тогда в России и многие иноплеменные: *меря* вокруг Ростова и на озере Клещине или Переславском; *мурома* на Оке, где сия река впадает в Волгу; *черемиса*, *мещера*, *мордва* на юго-восток от мери; *ливь* в Ливонии; *чудь* в Эстонии и на восток к Ладожскому озеру; *нарова* там, где Нарва; *янь* или *семь* в Финляндии; *весь* на Белоозере; *пермь* в губернии сего имени; *югра*, или нынешние березовские остыки, на Оби и Сосве; *печора* на реке Печоре. Некоторые из сих народов уже исчезли в новейшие времена или смешались с россиянами; но другие существуют и говорят языками столь между собой сходственными, что можем несомнительно признать их, равно как и лапландцев, зырян, остыков обских, чуваш, вотяков, народами единоплеменными и назвать вообще финскими. Уже Тацит в первом столетии говорит о соседственных с венедами финнах, которые жили издревле в полуночной Европе. Лейбниц и новейшие шведские историки согласно думают, что Норвегия и Швеция были некогда населены ими — даже самая Дания, по мнению Гроция. От моря Балтийского до Ледовитого, от глубины европейского севера на восток до Сибири, до Урала и Волги, рассеялись многочисленные племена финнов. Не знаем, когда они в России поселились; но не знаем также и никого старобытнее их в северных и восточных ее климатах. Сей народ, древний и многочисленный, занимавший и занимающий такое великое пространство в Европе и в Азии, не имел историка, ибо никогда не славился победами, не отнимал чуждых земель, но всегда уступал свои: в Швеции и Норвегии готфам, а в России, может быть, славянам, и в одной нищете искал для себя безопасности: «не имея (по словам Тацита) ни домов, ни коней, ни оружия; питаясь травами, одеваясь кожами звериными, укрываясь от непогод под сплетенными ветвями». В Тацитовом описании древних финнов мы узнаем отчасти и нынешних, особенно же лапландцев, которые от предков своих наследовали и бедность, и грубые нравы, и мирную беспечность невежества. «Не боясь ни хищности людей, ни гнева богов (пишет сей красноречивый историк), они приобрели самое редкое в мире благо: счастливую от судьбы независимость!»

Но финны российские, по сказанию нашего летописца, уже не были такими грубыми, дикими людьми, какими описывает их римский историк: имели не только постоянные жилища, но и города: весь — Белоозеро, мера — Ростов, мурома — Муром. Летописец, упоминая о сих городах в

известиях IX века, не знал, когда они построены.— Древняя история скандинавов (датчан, норвежцев, шведов) часто говорит о двух особенных странах финских, вольных и независимых: Кириаландии и Биармии. Первая от Финского залива простиралась до самого Белого моря, вмещала в себе нынешнюю Финляндскую, Олонецкую и часть Архангельской губернии; граничила на восток с Биармию, а на северо-запад — с Кvenландио или Каяниею. Жители ее беспокоили набегами земли соседственные и славились мнимым волшебством еще более, нежели храбростью. Биармиею называли скандинавы всю обширную страну от Северной Двины и Белого моря до реки Печоры, за которой они воображали Иотунгейм, отчизну ужасов природы и злого чародейства. Имя нашей Перми есть одно с именем древней Биармии, которую составляли Архангельская, Вологодская, Вятская и Пермская губерния. Исландские повести наполнены сказаниями о сей великой финской области; но баснословие их может быть любопытно для одних легковерных. Первое действительно историческое свидетельство о Биармии находим в путешествии норвежского мореходца Отера, который в девятом веке окружил Норд-Кап, доплывал до самого устья Северной Двины, слышал от жителей многое о стране их и землях соседственных, но сказывает единственно то, что народ Биармский многочислен и говорит почти одним языком с финнами.

Между сими иноплеменными народами, жителями или соседами древней России, Нестор именует еще летголу (ливонских латышей), зимголу (в Семигалии), корсь (в Курляндии) и литву, которые не принадлежат к финнам, но вместе с древними пруссами составляют народ латышский. В языке его находится множество славянских, довольно готфских и финских слов: из чего основательно заключают историки, что латыши происходят от сих народов. С великою вероятностию можно определить даже и начало бытия их. Когда готфы удалились к пределам империи, тогда венеды и финны заняли юго-восточные берега моря Балтийского; смешались там с остатками первобытных жителей, т. е. с готфами; начали истреблять леса для хлебопашства и прозвались латышами или обитателями земель расчищенных; ибо лата знаменует на языке литовском расчищение. Их, кажется, называет Иорнанд видивариями, которые в половине шестого века жили около Данцига и состояли из разных народов: с чем согласно и древнее предание латышей, уверяющих, что их первый государь, име-

нем Видвут, царствовал на берегах Вислы и там образовал народ свой, который населил Литву, Пруссию, Курляндию и Летландию, где он и доныне находится и где, до самого введения христианской веры, управлял им северный далай-лама, главный судия священник Криве, живший в прусском местечке Ромове.

Многие из сих финских и латышских народов, по словам Нестора, были данниками россиян: должно разуметь, что летописец говорит уже о своем времени, то есть о XI веке, когда предки наши овладели почти всею нынешнею Россиею европейскою. До времен Рюрика и Олега они не могли быть великими завоевателями, ибо жили особенно, по коленам; не думали соединять народных сил в общем правлении и даже изнуряли их войнами междуусобными. Так, Нестор упоминает о нападении древлян, лесных обитателей, и прочих окрестных славян на тихих полян киевских, которые более их наслаждались выгодами состояния гражданского и могли быть предметом зависти. Люди грубые, полудикие, не знают духа народного и хотят лучше вдруг отнять, не жели медленно присвоить себе такие выгоды мирным трудолюбием. Сие междуусобие предавало славян российских в жертву внешним неприятелям. Обры или авары, в VI и VII веке господствуя в Дакии, повелевали и дулебами, обитавшими на Буге; нагло оскорбляли целомудрие жен славянских и впряженчили их, вместо волов и коней, в свои колесницы; но сии варвары, великие телом и гордые умом (пишет Нестор), исчезли в нашем отечестве от моровой язвы, и гибель их долго была пословицею в земле Русской.— Скоро явились другие завоеватели: на юге — козары, варяги — на севере.

Козары или хазары, единоплеменные с турками, издревле обитали на западной стороне Каспийского моря, называемого Хазарским в географиях восточных. Еще с третьего столетия они известны по арменским летописям: Европа же узнала их в IV веке вместе с гуннами, между Каспийским и Черным морем, на степях астраханских. Атила властвовал над ними: болгары также, в исходе V века; но козары, все еще сильные, опустошали между тем южную Азию, и Хозрой, царь персидский, должен был заградить от них свои области огромною стеною, славною в летописях под именем Кавказской и доныне еще удивительною в своих развалинах. В VII веке они являются в истории византийской с великим блеском и могуществом, дают многочисленное войско в помощь императору (который из благо-

дарности надел диадему царскую на их кагана, или хакана, именуя его сыном своим); два раза входят с ним в Персию, нападают на угров, болгаров, ослабленных разделом сыновей Кувратовых, и покоряют всю землю от устья Волги до морей Азовского и Черного, Фанагорию, Воспор и большую часть Тавриды, называемой потом несколько веков *Козарию*. Слабая Греция не смела отражать новых завоевателей: ее цари искали убежища в их станах, дружбы и родства с каганами; в знак своего к ним почтения украшались в некоторые торжества одеждью козарскою и стражу свою составили из сих храбрых азиатцев. Империя в самом деле могла хвальиться их дружбою; но, оставляя в покое Константинополь, они свирепствовали в Армении, Иверии, Мидии; вели кровопролитные войны с аравитянами, тогда уже могущественными, и несколько раз побеждали их знаменитых калифов.

Рассеянные племена славянские не могли противиться такому неприятелю, когда он силу оружия своего в исходе VII века, или уже в VIII, обратил к берегам Днепра и самой Оки. Жители киевские, северяне, радимиши и вятичи признали над собой власть каганову. «Киевляне,— пишет Нестор,— дали своим завоевателям по мечу с дыма, и мудрые старцы козарские в горестном предчувствии сказали: *Мы будем данниками сих людей; ибо мечи их остры с обеих сторон, а наши сабли имеют одно лезвие*». Басня, изобретенная уже в счастливые времена оружия российского, в X или XI веке! По крайней мере завоеватели не удовольствовались мечами, но обложили славян иною данию и брали, как говорит сам летописец, «по белке с дома»: налог весьма естественный в землях северных, где теплая одежда бывает одною из главных потребностей человека и где промышленность людей ограничивалась только необходимым для жизни. Славяне, долго грабив за Дунаем владения греческие, знали цену золота и серебра; но сии металлы еще не были в народном употреблении между ими. Козары искали золота в Азии и получали его в дар от императоров; в России же, богатой единственно дикими произведениями природы, довольствовались подданством жителей и добычею их звериной ловли. Иго сих завоевателей, кажется, не угнетало славян: по крайней мере летописец наш, изобразив бедствия, претерпенные народом его от жестокости обров, не говорит ничего подобного о козарах. Все доказывает, что они имели уже обычай гражданские. Ханы их жили издавна в Балангиаре или Ателе (богатой и многолюдной

столице, основанной близ волжского устья Хозроем, царем персидским), а после в знаменитой купечеством Тавриде. Гунны и другие азиатские варвары любили только разрушать города: но козары требовали искусственных зодчих от греческого императора Феофила и построили на берегу Дона, в нынешней земле козаков, крепость Саркел для защиты владений своих от набега кочующих народов; вероятно, что *Каганово городище* близ Харькова и другие, называемые козарскими, близ Воронежа, суть также памятники их древних, хотя и неизвестных нам городов. Быв сперва идолопоклонники, они восьмом столетии приняли веру иудейскую, а в 858 [году] христианскую... Ужасая монархов персидских, самых грозных калифов и покровительствуя императоров греческих, козары не могли предвидеть, что славяне, порабощенные ими без всякого кровопролития, испровергнут их сильную державу.

Но могущество наших предков на юге должноствовало быть следствием подданства их на севере. Козары не властновали в России далее Оки: новогородцы, кривичи были свободны до 859 года. Тогда — заметим сие первое хронологическое показание в Несторе — какие-то смелые и храбрые завоеватели, именуемые в наших летописях варягами, пришли из-за Балтийского моря и наложили дань на чудь, славян ильменских, кривичей, мерю, и хотя были через два года изгнаны ими, но славяне, утомленные внутренними раздорами, в 862 году снова призвали к себе трех братьев варяжских, от *племени русского*, которые сделались первыми властителями в нашем древнем отечестве и по которым оно стало именоваться *Русью*. — Сие происшествие важное, служащее основанием истории и величия России, требует от нас особенного внимания и рассмотрения всех обстоятельств.

Прежде всего решим вопрос: кого именует Нестор варягами? Мы знаем, что Балтийское море издревле называлось в России *Варяжским*: кто же в сие время — то есть в IX веке — господствовал на водах его? Скандинавы, или жители трех королевств: Дании, Норвегии и Швеции, единоплеменные с готами. Они, под общим именем норманов или северных людей, громили тогда Европу. Еще Тацит упоминает о мореходстве свеонов или шведов; еще в шестом веке датчане приплывали к берегам Галлии: в конце восьмого слава их уже везде гремела, и флаги скандинавские, развеваясь перед глазами Карла Великого, смиряли гордость сего монарха, который с досадою видел, что норманы презирают

власть и силу его. В девятом веке они грабили Шотландию, Англию, Францию, Андалузию, Италию; утвердились в Ирландии и построили там города, которые доныне существуют; в 911 году овладели Нормандией; наконец, основали королевство Неаполитанское и под начальством храброго Вильгельма в 1066 году покорили Англию. Мы уже говорили о древнем их плавании вокруг Норд-Капа, или Северного мыса: нет, кажется, сомнения, что они за 500 лет до Колумба открыли полунощную Америку и торговали с ее жителями. Предпринимая такие отдаленные путешествия и завоевания, могли ли норманы оставить в покое страны ближайшие: Эстонию, Финляндию и Россию? Нельзя, конечно, верить датскому историку Саксону Грамматику, именующему государей, которые будто бы царствовали в нашем отечестве прежде рождества Христова и вступали в родственные союзы с королями скандинавскими: ибо Саксон не имел никаких исторических памятников для описания сей глубокой древности и заменял оные вымыслами своего воображения; нельзя также верить и баснословным *Исландским повестям*, сочиненным, как мы уже заметили, в новейшие времена и нередко упоминающим о древней России, которая называется в них Острагардом, Гардарикьею, Гольмгардом и Грециею: но рунические камни, находимые в Швеции, Норвегии, Дании и гораздо древнейшие христианства, введенного в Скандинавии около десятого века, доказывают своими надписями (в коих имеется Girkia, Grisia или просто Россия), что норманы давно имели с нею сообщение. А как в то время, когда, по известию Несторовой летописи, варяги овладели странами чуди, славян, кривичей и мери, не было на севере другого народа, кроме скандинавов, столь отважного и сильного, чтобы завоевать всю обширную землю от Балтийского моря до Ростова (жилица мери), то мы уже с великою вероятностью заключить можем, что летописец наш разумеет их под именем варягов. Но сия вероятность обращается в совершенное удостоверение, когда прибавим к ней следующие обстоятельства:

1. Имена трех князей варяжских — Рюрика, Синеуса, Трувора,— призванных славянами и чудью, суть неоспоримо норманские: так, в летописях франкских около 850 года — что достойно замечания — упоминается о трех *Rorikakh*: один назван вождем датчан, другой королем (*Rex*) норманским, третий просто норманом; они воевали берега Фландрии, Эльбы и Рейна. В Саксоне Грамматике, в Стур-

лезоне и в *Исландских повестях*, между именами князей и витязей скандинавских, находим *Рурика, Рерика, Трувара, Трувра, Снио, Синия*.— II. Русские славяне, будучи под владением князей варяжских, назывались в Европе *норманами*: что утверждено свидетельством Лиутпранда, кремонского епископа, бывшего в десятом веке два раза послом в Константинополе. «Руссов, говорит он, именуем и норманами»— III. Цари греческие имели в первом-наадесять веке особенных телохранителей, которые назывались *варягами*, *Варахуои*, а по своему *Wäringar*, и состояли большою частию из норманов. Слово *Vaegе*, *Vara* есть древнее готское и значит союз: толпы скандинавских витязей, отправляясь в Россию и в Грецию искать счастия, могли именовать себя варягами в смысле союзников или товарищай. Сие нарицательное имя обратилось в собственное.— IV. Константин Багрянородный, царствовавший в X веке, описывая соседственные с империо земли, говорит о порогах днепровских и сообщает имена их на славянском и русском языке. Русские имена кажутся скандинавскими: по крайней мере не могут быть изъяснены иначе.— V. Законы, данные варяжскими князьями нашему государству, весьма сходны с норманскими. Слова *тиун, вира* и прочие, которые находятся в *Русской Правде*, суть древние скандинавские или немецкие (о чем будем говорить в своем месте).— VI. Сам Нестор повествует, что варяги живут на море Балтийском к западу, и что они разных народов: урмяне, свии, англяне, готы. Первое имя в особенности означает норвежцев, второе — шведов, а под готами Нестор разумеет жителей шведской Готии. Англяне же причислены им к варягам для того, что они вместе с норманами составляли варяжскую дружину в Константинополе. Итак, сказание нашего собственного летописца подтверждает истину, что варяги его были скандинавы.

Но сие общее имя датчан, норвежцев, шведов не удовлетворяет любопытству историка: мы желаем знать, какой народ, в особенности называясь русью, дал отечеству нашему и первых государей и самое имя, уже в конце девятого века страшное для империи греческой? Напрасно в древних летописях скандинавских будем искать объяснения: там нет ни слова о Рюрике и братьях его, призванных властвовать над славянами; однако ж историки находят основательные причины думать, что Несторовы варяги-русь обитали в королевстве шведском, где одна приморская область издавна именуется *Росскою*, *Ros-lagen*. Жители ее могли

в VII, VIII или IX веке быть известны в землях соседственных под особенным названием так же, как и готландцы, коих Нестор всегда отличает от шведов. Финны, имея никогда с *Рос*-лагеном более сношения, нежели с прочими странами Швеции, доныне именуют всех ее жителей *россами, ротсами, роутсами*.— Сие мнение основывается еще на любопытном свидетельстве историческом.

В Бертиńskих летописях, изданных Дюшеном, между случаями 839 года описывается следующее происшествие: «Греческий император Феофил прислал послов к императору франков, Людовику Благонравному, и с ними людей, которые называли себя *rossami* (*Rhos*), а короля своего *Хаканом* (или Гаканом), и приезжали в Константинополь для заключения дружественного союза с империей. Феофил в грамоте своей просил Людовика, чтобы он дал им способ безопасно возвратиться в их отчество: ибо они ехали в Константинополь чрез земли многих диких, варварских и свирепых народов: для чего Феофил не хотел снова подвергнуть их таким опасностям. Людовик, расспрашивая сих людей, узнал, что они принадлежат к народу *шведскому*».— Гакан был, конечно, одним из владетелей Швеции, разделенной тогда на маленькие области, и, сведав о славе императора греческого, вздумал отправить к нему послов.

Сообщим и другое мнение с его доказательствами. В Степенной книге XVI века и в некоторых новейших летописях сказано, что Рюрик с братьями вышел из *Пруссии*, где издавна назывались Курский залив *Русною*, северный рукав Немена или Мемеля *Руссою*, окрестности же их *Порусьем*. Варяги-русь могли переселиться туда из Скандинавии, из Швеции, из самого Рослагена, согласно с известием древнейших летописцев Пруссии, уверяющих, что ее первобытные жители, ульмиганы или ульмигеры, были в гражданском состоянии образованы скандинавскими выходцами, которые умели читать и писать. Долго обитав между латышами, они могли разуметь язык славянский и тем удобнее применяться к обычаям славян новгородских. Сим удовлетворительно изъясняется, отчего в древнем Новгороде одна из многолюднейших улиц называлась Прусскою. Заметим также свидетельство географа равенского: он жил в VII веке, и пишет, что близ моря, где впадает в него река Висла, есть отчество роксолан: думают, наших россов, коих владение могло простираться от Курского залива до устья Вислы.— Вероятность остается веро-

ятностию: по крайней мере знаем, что какой-то народ шведский в 839 году, следственно, еще до пришествия князей варяжских в землю новгородскую и чудскую, именовался в Константинополе и в Германии rossами.

Предложив ответ на вопросы: кто были варяги вообще и варяги-русь в особенности? — скажем мнение свое о Несторовой хронологии. Не скоро варяги могли овладеть всею обширною страною от Балтийского моря до Ростова, где обитал народ меря; не скоро могли в ней утвердиться, так, чтобы обложить всех жителей данию; не вдруг могли чудь и славяне соединиться для изгнания завоевателей, и всего труднее вообразить, чтобы они, освободив себя от рабства, немедленно захотели снова отаться во власть чужеземцев: но летописец объявляет, что варяги пришли от Балтийского моря в 859 году и что в 862 [году] варяг Рюрик и братья его уже княжили в России полунощной!.. Междоусобие и внутренние беспорядки открыли славянам опасность и вред народного правления; но не зная иного в течение многих столетий, ужели в несколько месяцев они возненавидели его и единодушно уверились в пользе самодержавия? Для сего надлежало бы, кажется, перемениться обычаям и нравам; надлежало бы иметь опытность долговременную в несчастиях: но обычаи и нравы не могли перемениться в два года варяжского правления, до которого они, по словам Нестора, умели довольствоватьсь древними законами отцов своих. Что вооружило их против норманских завоевателей? Любовь к независимости — и вдруг сей народ требует уже властителей?.. Историк должен по крайней мере изъявить сомнение и признать вероятною мысль некоторых ученых мужей, полагающих, что норманы ранее 859 года брали дань с чуди и славян. Как Нестор мог знать годы происшествий за 200 и более лет до своего времени? Славяне, по его же известию, тогда еще не ведали употребления букв: следственно, он не имел никаких письменных памятников для нашей древней истории и счисляет годы со времен императора Михаила, как сам говорит, для того, что греческие летописцы относят первое нашествие россиян на Константинополь к Михаилу царствованию. Из сего едва ли не должно заключить, что Нестор по одной догадке, по одному вероятному соображению с известиями византийскими, хронологически расположил начальные происшествия в своей летописи. Самая краткость его в описании времен Рюриковых и следующих заставляет думать, что он говорит о том единственno по изустным пре-

даниям, всегда немногословным. Тем достовернее сказание нашего летописца в рассуждении главных случаев; ибо сия краткость доказывает, что он не хотел прибегать к вымыслам; но летосчисление делается сомнительным. При дворе великих князей, в их дружине отборной и в самом народе долженствовала храниться память варяжского завоевания и первых государей России; но вероятно ли, чтобы старцы и бояре княжеские, коих рассказы служили, может быть, основанием нашей древнейшей летописи, умели с точностию определить год каждого случая? Положим, что языческие славяне, замечая лета какими-нибудь знаками, имели верную хронологию: одно ее соображение с хронологиею византийскою, принятою ими вместе с христианством, не могло ли ввести нашего первого летописца в ошибку? — Впрочем, мы не можем заменить летосчисления Несторова другим вернейшим; не можем ни решительно опровергнуть, ни исправить его, и для того, следуя оному во всех случаях, начинаем историю государства Российского с 862 года.

Но прежде всего должно иметь понятие о древнем характере народа славянского вообще, чтобы история славян российских была для нас и яснее и любопытнее. Воспользуемся известиями современных византийских и других, не менее достоверных летописцев, прибавив к ним сказания Несторовы о нравах предков наших в особенности.

Г л а в а III

О ФИЗИЧЕСКОМ И НРАВСТВЕННОМ ХАРАКТЕРЕ СЛАВЯН ДРЕВНИХ

Их природное сложение и свойства: храбрость, хищность, жестокость, добродушие, гостеприимство. Брачное целомудрие. Жены и дети. Нравы славян российских в особенностях. Жилища. Скотоводство и земледелие. Пища, одежда. Торговля. Искусства: зодчество, музыка, пляска, игры. Счисление. Имена месяцев. Правление. Вера. Язык и грамота.

Не только в степенях гражданского образования, в обычаях и нравах, в душевных силах и способностях ума, но и в самых телесных свойствах видим такое различие между народами, что остроумнейший писатель XVIII века, Воль-